

М.А. Фомина

## Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит*

*К 90-летию И.-Э.С. Рахманкуловой*

В статье рассматривается семантическая категория субъектности с позиций теории функциональной грамматики, а также проблема разграничения таких смежных понятий, как субъект, подлежащее, носитель предикативного признака. Определяется периферийный характер безличных пространственных моделей типа *У меня в ухе звенит* в рамках категории субъектности. Анализируются структурный и семантический аспекты данных моделей, предлагаются варианты передачи реализованной ими предикации на английский язык. Устанавливается непрототипический характер субъектов результирующих английских высказываний.

The paper focuses on the category of semantic subject within the framework of a functional approach to linguistics. The semantic subject is related to similar notions such as the grammatical subject and the bearer of predicative feature. The paper 1) features a peripheral status of spatial impersonal sentence models such as *U menia v ukhe zvenit* within the category of semantic subject, 2) makes a structural and semantic analysis of the models, 3) focuses on their Russian-English translation patterns, 4) reveals non-prototypical features of subjects in the English equivalents.

*Ключевые слова:* семантический субъект; безличное предложение; модель предложения; подлежащее; носитель предикативного признака.

*Keywords:* semantic subject; impersonal sentence; sentence model; grammatical subject; bearer of predicative feature.

В статье рассматривается семантическая категория субъектности с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов, который получил широкое применение в работах И.-Э.С. Рахманкуловой (см., например, [6–7]). Для данных работ характерным явился «учёт связи лексики и грамматики», «синтез синтагматического и парадигматического аспектов языка» [6: с. 3]. Такой подход оказывается эффективным при рассмотрении целого комплекса семантических категорий, и в частности категории субъектности.

Вслед за А.В. Бондарко, под субъектностью мы будем понимать «группировку грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов семантики субъекта». Грамматический центр категории субъектности, обладающей полевой структурой, представлен подлежащим двусоставного предложения, выраженным существительным или местоимением в именительном падеже. Подлежащее, выступая

в позиции преддицируемого компонента синтаксической структуры предложения (структурного НПП — носителя предикативного признака), является «наиболее адекватным выразителем семантики субъекта» и выполняет роль семантического носителя предикативного признака [2: с. 68]. При выражении субъекта другими структурными носителями предикативного признака происходит удаление от центра поля субъектности и приближение к периферии. При этом, вероятно, безличные (бесподлежащие) конструкции, находясь на «дальней» периферии, представляют наибольшую сложность с точки зрения интерпретации субъектно-объектно-предикатных отношений.

Остановимся подробнее на введённом выше понятии НПП, которое оказывается не только ключевым при определении категории субъектности, но и очень эффективным при интерпретации русских безличных моделей. Под носителем предикативного признака понимается «субстанция, которой приписывается предикативный признак» [2: с. 54–55]. В качестве НПП выступают единицы, выполняющие функцию преддицируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому в активных конструкциях соответствует семантический субъект, а в пассивных — объект. Таким образом, носитель предикативного признака представляет собой синтаксическую субстанцию, в которой разграничиваются и соотносятся структурные и семантические функции, связанные с теми или иными средствами формального выражения. Такая трактовка данного понятия позволяет, например, решить вопрос о залоговой принадлежности ряда конструкций, когда понятия подлежащего и семантического субъекта оказываются недостаточными [2: с. 56–57]. Более того, введение понятия носителя предикативного признака «позволяет сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном толковании» [2: с. 60] и, тем самым, избежать возникновения двойственности и утраты определённости данной категории — ср. предложения типа *Отцу не работается; Ему холодно; Больного лихорадит; Его тянет уехать; Сестру охватил страх*, которые трактуются в ряде работ как структуры с подлежащим, имеющим неноминативное выражение [4: с. 135–139]. В данных предложениях Г.А. Золотова соотносит преддицируемый компонент со значением личного субъекта физического или душевного состояния с подлежащим предложения. Широкое понятие НПП, объединяющего целый класс синтаксических единиц, функционально сближающихся с подлежащим, позволяет сохранить понятие подлежащего в его каноническом понимании и выделить в рассматриваемых синтаксических конструкциях НПП, выраженные дополнениями. Такое расширение понятия НПП возможно с той оговоркой, что НПП, выраженные дополнениями, принадлежат периферийному подклассу синтаксических элементов (НПП2), отличающихся синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении [2: с. 63]. Более того, при выявлении денотативно-понятийной основы выражаемой семантики в данных предложениях, как справедливо отмечает А.В. Бондарко, элемент субъекта состояния оказывается сопряжённым с «объектной интерпретацией, исходящей от формы прямого дополнения со значением субстанции, зависимой от действия, выраженного глаголом-сказуемым» [2: с. 63–65].

Рассмотрим безличные предложения типа *У меня в ухе звенит*. В подобных конструкциях НПП оказывается совмещённым с косвенным объектом, выраженным косвенно-падежными формами и предложно-падежными сочетаниями, что означает пересечение объектных функций с обстоятельственными и ещё больше смещает подобные конструкции на периферию категории субъектности.

При описании семантики безличных синтаксических структур О.А. Сулейманова выделяет ряд интегральных семантических признаков, в котором особая роль отводится признаку пространственности [9]. При определении термина «пространство» учёный опирается на широкую трактовку этого понятия, предложенную в работах О.Н. Селивёрстовой (см., например, [8]). Как справедливо полагает О.Н. Селивёрстова, при определении понятия пространства необходимо учесть выполняемую им функцию — «помещать в себя что-то, включать в себя что-то». Таким образом, понятие пространства, отображённое в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие [8: с. 143].

Учитывая фундаментальное свойство пространства «помещать в себя что-то» и отталкиваясь от геометрического представления пространства, О.Н. Селивёрстова предлагает уточнённое определение: «нахождение некоторого объекта (Y-а) в S означает, что точка, соответствующая Y-у, стоит в рамках той конфигурации, которая образуется точками пространства S» [8: с. 143].

Однако вследствие сложной концептуальной структуры понятия «пространство» (см. подробнее о формировании концепта «пространство» и отражении его в языке в [5]) данное определение не всегда можно применить для интерпретации тех или иных языковых явлений, и поэтому оно требует определённых уточнений.

Так, О.Н. Селивёрстова, комментируя такие высказывания, как *В моей душе сомненья нет; Есть в близости людей заветная черта (Ахматова); В моей юности не было ни одного значительного события*, говорит о необходимости употреблять понятие пространства в широком смысле, выделяя не только физическое пространство, но и психическое пространство, пространство человеческих отношений, временное пространство и др. [8: с. 143].

Применительно к рассматриваемой безличной модели О.А. Сулейманова вводит понятие пространства посессивности X-а — пространство S, образуемое X-ом [9: с. 25]. При этом в качестве критерия, позволяющего отнести ту или иную модель к пространственным, выступает невозможность опущения пространственного компонента без нарушения смысла и даже грамматической правильности высказывания. Модель также можно классифицировать как пространственную, если такое опущение приводит к появлению эллиптического высказывания. Невозможность опущения (или появления эллиптического высказывания) указывает на принадлежность пространственного компонента структурной схеме предложения [9: с. 5].

Обратимся к логической структуре предложений типа *У меня в ухе звенит*.

Д.И. Ермолович рассматривает такие безличные модели как примеры выражения условно-субъектных предикаций — предикаций, описывающих некие состояния или ощущения, к которым субъект может быть домыслен, — ср. предложения *Пахло чесноком, Здесь легко дышится*, сообщающие об «ощущениях, которые должен был бы испытывать участник описываемой ситуации (это может быть и рассказчик), хотя он в предложении и не назван (см. о роли имплицитного / потенциального наблюдателя в работе [9]). К данному типу предикаций автор относит и высказывания, «в которых актант формально представлен как произвольно оказавшийся в некотором состоянии», и его обозначение выступает в качестве предидируемого компонента, которому предидируется какая-то характеристика, так что его можно рассматривать как условный субъект предикации — ср. *У него зарябило в глазах, Ему не повезло, Нам посчастливилось, Их потянуло друг к другу* [3: с. 472].

По мнению Г.А. Золотовой, в предложениях данного типа имеет место комплексное или расчленённое обозначение субъекта состояния, который выражается «обозначением лица (целого) и места (части целого или его принадлежности)» локализации состояния [4: с. 154].

Как отмечает О.А. Сулейманова, в рассматриваемой модели «пространственный компонент *У меня* вносит информацию о том, что *Р* имеет место в пространстве *S*, образуемом *X-ом*». Помимо пространственного компонента обязательным элементом модели является локативный уточнитель [9: с. 25] — ср. *У меня в желудке бурчало; \*У меня бурчало*. Пространственный же компонент *У меня* в тексте может опускаться — ср. *У меня в желудке бурчало; В желудке бурчало* — но его место в модели всегда сохраняется, а значение этого компонента легко восстанавливается из контекста. Как представляется, пространственный компонент и служит для обозначения субъекта предикации — *X-а*, которому в синтаксической структуре предложения соответствует косвенное дополнение. Второй же обязательный компонент модели — локативный уточнитель — вносящий информацию о той части тела, в которой имеет место *Р*, выступает не в качестве обозначения субъекта (ср. с представленной выше трактовкой данного компонента модели Г.А. Золотовой), что плохо согласуется с интуитивным представлением о содержании категории субъектности, а выполняет наряду с пространственным компонентом функцию НПП.

Интерпретация данного компонента модели в качестве носителя предикативного признака согласуется с пониманием А.В. Бондарко о структурном носителе предикативного признака, принадлежащем периферийному подклассу синтаксических элементов, который отличается синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении. По мнению учёного, управляемый член предложения может быть признан в качестве структурного НПП в том случае, когда в предложении отсутствует другой компонент, соотносящийся с предикатом, то есть речь идёт об «актанте при одноместном предикате». При такой трактовке предикативного отношения управление

в анализируемой модели можно рассматривать как «формальную связь, совместимую со “стоящей выше” функцией предикативного отношения» [2: с. 63].

Таким образом, в рамках НПП можно выделить два подкласса синтаксических единиц с функцией предикативного компонента — неуправляемые и управляемые НПП [2: с. 64]. Правомерность приписывания функции НПП комбинации пространственного компонента и локативного уточнителя подтверждается тем, что оба компонента являются обязательными в данной модели — при возможности опущения первого компонента его место в модели всегда сохраняется, позиция же локативного уточнителя является обязательной и может быть заполнена выражениями типа *в / на / под + Loc, ср.: в ушах, горле, желудке, животе, в плече, боку, груди, голове; на сердце, душе; под сердцем, ложечкой* [9: с. 26].

Особый интерес представляет рассмотрение способов передачи предикаций, реализованных анализируемыми безличными конструкциями.

Авторы учебных пособий по переводу, затрагивая вопросы об особенностях построения синтаксической структуры английских предложений, неоднократно отмечали, что поверхностная (синтаксическая) структура английского высказывания в большей степени тяготеет к логической структуре, нежели синтаксическая структура русского предложения (см., например, [3: с. 465]). Ср.:

**У меня звенит в ушах.** — *My ears are buzzing* [10].

*Голова раскалывалась, в животе бурлило...* — *My forehead pounded, my stomach churned...* [1].

*Мы с ланча ничего не ели, в животе урчит от голода.* — *We haven't had anything to eat since lunch, and my stomach is grumbling* [1].

*Почему же так дрожат у неё руки и холодеет под ложечкой?* — *But how to explain this feeling that made her hands shake and the pit of her stomach grow cold?* [1].

**У меня до сих пор в голове гудит.** — *My head still sings with it* [1].

В данных примерах английские высказывания имеют структуру личных предложений с подлежащим, обозначающим часть тела или орган, в котором имеет место Р. Субъект-источник процесса в данных предложениях, обозначенный подлежащим, обладает признаком псевдоактивности, то есть занимает промежуточное положение между прототипом категории субъекта (в качестве которого выступает агенс, производитель действия) и её периферией.

В следующих примерах в роли подлежащего английских высказываний выступает обозначение субъекта состояния (ощущения), представленного одушевлённым объектом, что приближает данный тип субъекта к прототипу категории, ср.:

*Впервые за много месяцев у неё посветлело на душе.* — *She felt better now than she had felt in months* [1].

*Я весь иззяб; стучал от холода зубами; горло у меня разболелось немилосердно, как прежде на островке; в боку кололо, не переставая...* — *I was never warm; my teeth chattered in my head; I was troubled with a very sore throat, such as I had on the isle; I had a painful stitch in my side, which never left me...* [1].

Рассматриваемые пространственные модели могут быть также переданы на английский язык при помощи личных предложений с подлежащим со значением причины состояния, ср.: *У меня до сих пор в горле першит от этой гадости.* — *That villainous stuff seems still to linger round my throat*; а также предложений с подлежащим, обозначающим неодушевленную субстанцию, субъект-источник действия, проявляющий энергетическую активность, но лишённый признаков волитивности и контролируемости, ср.: *Ноги у него подкашивались, в боку сильно кололо, пот заливал лицо, мешая смотреть.* — *His limbs were shaking, a terrible stitch was beginning in his side, and the sweat that kept dropping into his eyes blinded them and made them smart.*

Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемые русские безличные модели, находясь на «дальней» периферии категории субъектности, передаются на английский язык при помощи личных двусоставных предложений, имеющих различную структуру, субъекты английских высказываний также располагаются на некотором расстоянии от прототипического центра категории субъектности, представляя ближайшую периферию.

### Библиографический список

#### Источники

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (режим доступа свободный).

#### Литература

2. Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.

3. Ермолович Д.И. Русско-английский перевод: учебник для студентов вузов, обучающихся по образовательной программе «Перевод и переводоведение» направлений «Лингвистика», «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Аудитория, 2014. 592 с.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.

5. Лягушкина Н.В. К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 55–61.

6. Рахманкулова И.-Э.С. Теоретическая функциональная грамматика немецкого языка. Глагол. М.: НВИ-Тезаурус, 2006. 204 с.

7. Рахманкулова И.-Э.С. Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 28–35.

8. Селивёрстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 142–150.

9. Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. М., 2000. 53 с.

*Справочные и информационные издания*

10. Словарь АББYY Lingvo-Online. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/> (режим доступа свободный).

**References***Istochniki*

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (rezhim dostupa svobodny'j).

*Literatura*

2. *Bondarko A.V.* Sub"ektno-predikatno-ob"ektny'e situacii // *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vy'skazy'vaniya. Opredelyonnost' / neopredelyonnost'*. SPb.: Nauka, 1992. S. 29–71.

3. *Ermolovich D.I.* Russko-anglijskij perevod: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po obrazovatel'noj programme «Perevod i perevodovedenie» napravlenij «Lingvistika», «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya». M.: Auditoriya, 2014. 592 s.

4. *Zolotova G.A.* Kommunikativny'e aspekty' russkogo sintaksisa. M.: E'ditorial URSS, 2001. 368 s.

5. *Lyagushkina N.V.* K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2012. № 2 (10). S. 55–61.

6. *Raxmankulova I.-E'.S.* Teoreticheskaya funkcional'naya grammatika nemeczkogo yazy'ka. Glagol. M.: NVI-Tezaurus, 2006. 204 s.

7. *Raxmankulova I.-E'.S.* Strukturno-funktcional'ny'j podxod k issledovaniyu nemeczkix frazeologizmov // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2009. № 1 (3). S. 28–35.

8. *Selivyorstova O.N.* Ponyatiya «mnozhestvo» i «prostranstvo» v semantike sintaksisa // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury' i yazy'ka*. 1983. T. 42. № 2. S. 142–150.

9. *Sulejmanova O.A.* Relevantny'e tipy' bezlichny'x sintaksicheskix struktur i ix semanticheskie korrelyaty': avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19, 10.02.01. M., 2000. 53 s.

*Spravochny'e i informacionny'e izdaniya*

10. Slovar' АББYY Lingvo-Online. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru/> (rezhim dostupa svobodny'j).